

Ночью 22 сентября 1943 года в оккупированном фашистами Минске раздался взрыв, уничтоживший главу немецко-фашистской администрации, генерального комиссара Белоруссии, личного представителя Гитлера — Вильгельма фон Кубе. Увенчалась успехом дерзкая акция подпольной группы преподавателей и студентов юридического института, возглавляемой одной из первых комсомолок Белоруссии Марией Борисовной Осиповой. Непосредственное участие в операции принимал и недавний студент Рафаил Бромберг.

...Впрочем, по порядку. В равнине города Одессы 21 января 1916 года было зарегистрировано, что в семье мещанина Моноса Исааковича Бромберга и Фанни Ефимовны Котик родился ребенок мужского пола, коему наречено имя Рафаэль. Отец новорожденного до империалистической войны учился в Германии, во время гражданской войны был директором завода на «Бугаевке», выпускавшего танки и ремонтировавшего броневики для Красной Армии. В 20-х годах, когда началось активное восстановление деревообделочных заводов, инженер Бромберг извездил чуть ли не весь Советский Союз и в предвоенные годы работа привела его с семьей в Минск.

Здесь молодой Рафа Бромберг поступает в Минский политехнический институт, но очень скоро выясняется, что его влекут к себе вовсе не точные науки. Общественная деятельность, увлечение джазом, участие в самодеятельности (он исполняет пародийные и сатирические куплеты) отнимают у него едва ли не все время. Наконец, решив, что он рожден для ораторского искусства, юноша переходит в юридический институт. Правда, тут ему — комсомольцу и сталинскому стипендиату — пришлось давать многочисленные объяснения, — почему у него такой «несознательный» отец, учившийся в Германии? Что еще делал его отец в годы пребывания за границей и т. д. и т. п. И неизвестно, как сложилась бы судьба комсомольского билета, а может

быть, и самого комсомольца, но война сняла эти вопросы.

В первые же дни войны Минск оказался в зоне боевых действий. Молодежь, комсомольцы сразу бросились в военкоматы и... услышали там успокаивающее: «Понадобится — вызовем».

Через шесть дней с начала войны, после тяжелых и упорных боев, город был оставлен. На подступах к Минску было подбито и уничтожено около трехсот немецких танков, но самоотверженность защитников не спасла город. На целых три года воцарился жесточайший оккупационный режим. Хозяином города стал Вильгельм фон Кубе.

Город покинули всего десять эвакуационных эшелонов. Что могли успеть вывезти в них? Архивы, гастролировавших артистов МХАТа... Фактически все жители Минска остались в городе. Остались члены партии и комсомольцы, ушедшие в подполье: появился подпольный горком партии, комсомола, пять райкомов. На первых порах подпольную работу возглавил Первый секретарь ЦК КП Белоруссии, ставший впоследствии начальником центрального штаба партизанского движения, П. К. Пономаренко. Хорошо знавшие друг друга по довоенной работе или учебе, полностью доверявшие друг другу, люди стали объединяться. Так возникли подпольные группы «Железнодорожник», «Госучреждения», «Балашов», «Кузнецов», «Казанец», «Славка», «Победит», «Жорж», «Заяц» и многие другие. Так возникла и группа Осиповой, в которую в числе прочих вошел и Рафаил Бромберг.

В 1943 году Осиповой был получен предельно лаконичный приказ: уничтожить генерального комиссара Белоруссии Вильгельма фон Кубе.

Как выполнить это «простое» задание? Естественно, сам комиссар, его жена фрау Анита и два их сына тщательно охранялись. Проникнуть в дом постороннему было невозможно. Значит, нужно вербовать кого-то из людей, входящих в этот дом. Изучая обслуживающий персонал, подпольщики остановили свой выбор на горничной Е. Г. Мазаник. Но как на нее выйти? Как убедить? Кому она поверит? Да и поверит ли вообще?

Знакомый Бромберга, музыкант-саксофонист, дружил с директором кинотеатра, который, в свою очередь, был знаком и ухаживал за сестрой Елены Григорьевны Мазаник. Цепочка была сложной, но в конце концов два звена, так бесконечно далеко отстоявших друг от друга — Осипова — Мазаник — сомкнулись.

От партизан было доставлено взрывное устройство (Осипова пронесла его в лукошке с ягодами) и передано Мазаник. (В небольшой комнатке, отделенной от жилья полицией лишь тонкой перегородкой, шел яростный торг — обсуждались достоинства каблука и носка чоботов. И под этот «аккомпанемент» шла «пантомима»: Осипова жестами объясняла, как пользоваться миной). Теперь необходимо было доложить в Москву Пономаренко о готовности к выполнению операции.

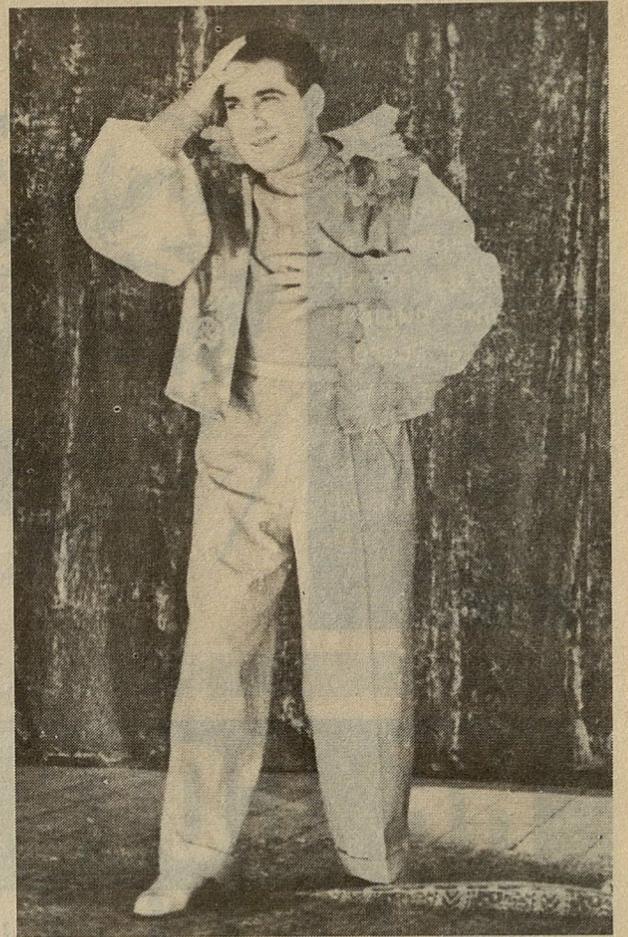
Во время перелета из партизанского отряда самолет слет со связным сбили. Срочно нужен был новый связник. И выбор пал на Бромберга. (Это было весьма кстати. Бывший студент постарался изменить свой облик и отпустил пышные усы, за что и получил одно из своих прозвищ — Цыган. Но это его не спасло. Сокурсник, случайно встретившийся на улице, узнал его и прошептал только одной слово: «Исчезай!») 1 сентября 1943 года Бромберг покинул Минск.

Во время перехода дороги Лепень — Ушачи между партизанами и немцами завязалась бой, в котором погибло 26 гитлеровцев. Бромбергу пришлось доставить раненого товарища в бригаду Дубова, где находился хороший партизанский госпиталь, а самому вместе с подразделением Никитина идти дальше через линию фронта.

Три недели прошли для оставшихся в Минске в ожидании и волнении. Наконец, радиogramма из Москвы получена. Надо действовать.

Как переправить мину в дом? Мазаник пронесла ее, завернув в свежесшитый платочек фрау Аниты и избегнув таким образом обязательного обыска. Как установить мину в спальне, если вход туда запрещен? Вооружившись шваброй, тряпкой и ведром (в котором лежала мина), горничная вошла в комнату и быстро установила взрывное устройство. Обессилевшая от волнения, сослалась на зубную боль и отпросилась до-

«Я СТОЮ У ВЕЧНОГО ОГНЯ...»

Артист Р. М. Бромберг на сцене.

Материнских слез
осталось море.
И донине нам,
фронтвикам,
Никакой барометр
не нужен.
Каждый узнает погоду
сам,
Каждый ранен был
или контужен.

Подпольщика и партизана ждала работа артиста. Рассказывает сам Рафаил Михайлович:

— Я пришел в цирк фактически в 1948 году. Начал работать в паре с Зеньковским. В основном обитали на Урале, потом нас перевели в Московскую дирекцию «Цирка на сцене». Мне, ведущему программу, исполняющему политические куплеты, был необходим злободневный, актуальный репертуар. Писали многие. Самыми любимыми авторами были Ю. Благов, М. Ножкин, Я. Ядов.

Выступали мы и на полевых станах, и в клубах, и в передвижных цирках, но мне больше всего нравилось работать на стадионах. Покрыла масштабность зрелища. В центре стадиона строился манеж, по краям — еще два. По беговым дорожкам вокруг свободно могла двигаться кавалькада, которой и начинали представления.

Часто устраивали соревнования двух команд — спортсменов и клоунов. Я комментировал эти матчи, подражая очень популярному тогда Вадиму Синявскому. А действия на поле развивались примерно так. К центру выезжала машина, из которой появлялся «судья-на-мыло» неизвестной категории. Свисток объявлял начало матча. У капитана команды клоунов Семена Моргуляна мяч как будто прилипал к ноге. И действительно, все видели, что он привязан на веревочке. Игра начиналась снова в центре поля. Спортсмены наступали. Нападающий оставался один на один с вратарем... Удар... И вратарь клоунов невозмутимо поднимал и относил ворота

в сторону. Из таких невероятных ситуаций состояла вся игра, и стадион просто дрожал от гомерического хохота. Наша группа из ста человек и пятнадцати оркестрантов совершила вояж от Вильнюса до Краснодара, и всюду мы пользовались успехом.

Впрочем, мы выступали не только в крупных городах. В ответ на призыв «массовое зрелище — массовому зрителю» группа «Цирк на сцене» отправилась на целину.

28 сентября 1954 года мы выступали в Северо-Казахстанской области, в совхозе Булаевский под шатром армейской палатки, где собралось человек восемьдесят. Руководитель поездки В. А. Мильруд стоял возле входа, когда неожиданно подкатил газик. Из палатки раздавался дружный смех. В чело- веке, вышедшем из машины, Мильруд узнал начальника партизанского движения в годы войны, затем министра культуры СССР, а тогда — первого секретаря ЦК КП Казахстана.

— Пантелеймон Кондратьевич, пожалуйста, заходите! — Мильруд радушно приоткрыл полог палатки.

— А кто выступает? — заинтересовался Пономаренко.

— Андерсен и Бромберг. — Был у меня один Бромберг дюжину лет назад в минском подполье. Неужели он?

— Он самый. Увидев заполненную до отказа палатку и решив не смущать артистов и зрителей, Пономаренко отступил: — Спасибо, как-нибудь в другой раз...

Другого раза пришлось ждать двадцать с лишним лет. Он случился лишь 9 мая 1975 года. В день тридцатилетия Победы генерал-лейтенант в отставке П. К. Пономаренко в Перedelкино вручил бывшему рядовому партизану, ныне артисту Рафаэлю Бромбергу только что отпечатанную книгу с дарственной надписью.

Леонид БАБУШКИН.
Фото автора.